

В своём, особенном, регистре...

В декабре Орёл отмечает 90-летие замечательного поэта Николая Перовского

Его нет рядом с нами уже 17 лет, и единственное, что примиряет с утратой, — это убежденность, что его стихи с каждым годом всё крепче прорастают в тех, кого он когда-то обжёг и восхитил своими темами и рифмами, кто изначально жил с ним в одном ритме, кого его строки помогли услышать, увидеть и почувствовать мир так же тонко, как это умел Николай Михайлович.

В одном из стихотворений поэт грустно признался: «Голосами друзей и знакомых/Мне аужают поле и лес». А его голосом, голосом большого русского поэта, по признанию критиков и коллег, — одного из лучших в своём поколении, много лет нам светло отзываются ещё и любимые им городские уголки, места его силы и поэтического вдохновения — орловские дворы и улицы, парки, набережные Оки и Орлика, лебединая заводь под крестами Бого-явленского собора...

Он был очень требовательным к слову. Помнится, однажды по телефону радостно сообщил, что за полтора дня написал несколько стихотворений — такого с ним давно не случилось — и предложил их нашей газете («Просторы России» — Ред.). Это всегда большая честь — быть первыми публикаторами такого крупного поэта. Мы срочно сверстали стихи в номер, но к концу следующего дня, где-то за час до отправки полос в печатный цех, Николай Михайлович позвонил с просьбой заменить в двух стихотворениях по слову. Я посмотрела в оригиналы: все слова на месте, мысли ясны — зачем искать добро от добра! Но он продиктовал новый вариант, и строки заиграли совершенно иными красками. Пришлось корректору вручную вносить правки уже на плёнке, что было нарушением договора с типографией, но, к счастью, график сдачи номера редакция не сорвала. Правда, отныне мы не гнались за оперативностью публикации «свеженького» от Перовского. И были правы: вдогонку присланным стихам он почти всегда диктовал правки. Но, нужно признаться, это были слова, делавшие строфу и выраженную в ней мысль совершенными. Знал, несомненно, знал поэт тайну Слова, в чём однажды и сам признался: «И вот мне приснилось, что русский язык/Вручает мне слово, как ханский ярлык».

Через год-полтора нашего сотрудничества он познакомил меня со своей женой Лидией Ивановной. Они очень подходили друг другу, даже были чем-то похожи, как, наверное, становятся похожими супруги, много лет прожившие в любви и согласии. Красивая пара, с исходящим от обоих внутренним светом, даже аристократическим шармом, угадываемом в облике и манерах. Не знаю я, что Перовский — сирота-детдомовец и беспризорник военной поры, все желания которого сводились к еде, теплу и крову, а его жена — дочь бед-

Николай Перовский с женой Лидией Ивановной в жизни и на картине

ной многодетной сельской вдовы, подумала бы: это люди «белой кости и голубых кровей».

Общаться с ними было большим удовольствием: просто, доступны, с необыкновенным чувством юмора, живым интересом ко всему, что связано с литературой и культурой Орла. Своим обаянием Лидия Ивановна мне настолько понравилась, что однажды я попросила у Николая Михайловича разрешения подготовить для газеты её интервью. В дополнение к вопросам даже выписала несколько цитат из посвящённых ей стихов. Заметила тогда, что осторожный и осмотрительный в любовной лирике, Перовский не скрывает своих чувств, когда речь идёт о жене: «Без обманов вошла, без туманов — / Жить, любить и стирать бельё, / Поэтичной царицы Тамары / И нежнее, нужнее её!» Или ещё открывнее: «... все женщины в глазах двоится / И в каждой видишь себя мне ты».

Николай Михайлович грустно улыбнулся: — Не стоит. Мы с ней совершенно не публичные люди, вряд ли кому-нибудь будут интересны подробности нашей частной жизни. В ней было так много горького и трудного, что мы с Лидой не любим вспоминать об этом...

И пока был жив поэт, эту тему мы больше не поднимали. Но в 2007-м, в год его кончины, кафедра русской и зарубежной литературы ОГУ запустила серию «Орловский край в русской литературе XX—XXI веков», в которой автор научного проекта, редактор и составитель Геннадий Тюрин посвятил два тома Перовскому. В одном из них он разместил воспоминания Лидии Ивановны. И оказалось, что если вернуть эти сдержанные строки, то из причудливой, изломанной биографии поэта мог

Николай ПЕРОВСКИЙ

УПАЛ В ТРАВУ

Упал в траву и обнял землю, и мне пригрелось во сне, что я и чувствую, и внемлю, как бродят соки в глубине. Земли божественное сусло бурлит и рвётся из котлов и делит собственное русло на миллионы рукавов. Там, в океане превращений, в гигантском тигле бытия, берут свой старт глупец и гений, библейский голубь и змея...

Когда капли накопели, весна, смывая снег и грязь, омыла землю, как в купели, и за растенья принялась. Леса, сады и огороды шумят листвою, пестрят травой, чистопописание природы — триумф работы черновой!

БОМЖ

Попросил прикурить у бомжа, он смутился на долю минутки, а потом, суетясь и дрожа, протянул мне бычок самокрутки. И, потешно трянув головой, он как будто на миг возгордился: дескать, видишь, браток, я живой, я кому-то ещё пригодился.

бы получить не только приключенческий роман, не менее интересный, чем «Три мушкетёра» — любимая книга его в детстве, но и полотно социально-психологическое, населённое десятками значительных событий и сонмом самых разных людей — друзей, приятелей, литераторов, художников, музыкантов, коллег по журналистскому цеху, студентов горного и литературного институтов, чинуш и номенклатурщиков, с которыми

Перовский боролся всю жизнь, где бы и кем ни работал...

Скиталец по судьбе и бродяга по натуре, в поисках тем для стихов и своего, особенного регистра, поэт исколесил в 60-70-е годы полстраны. В его личной «истории с географией» Крым и Молдавия, города Поволжья, Сибири, Казахстана, Узбекистана... Конечно же, Москва и Питер. Впечатления от тех поездок, часто совершенно авантюрных, — в 17 прижизненных сборниках стихов и книгах прозы, изданных в Белгороде, Воронеже, Москве, Орле.

Событий его жизни с лихвой хватило бы на несколько биографий: в страшные 30-е годы раннее сиротство ребёнка из семьи репрессированных «врагов народа», с трёх лет — Михайловский детский дом в Курской области; тяжёлая форма тифа, казалось бы, навсегда стёршего самые первые впечатления короткого детства с родителями, эвакуация и смерть ровесников под бомбёжками, побег из детдома и ремесленного спецучилища, вынужденная жизнь рядом с «блатными», голодное беспризорничество и, наконец, несколько «осёдлых» лет в одном из казахстанских хозяйств на правах «сына колхоза». Признавшись, что это были лучшие годы его детства и отрочества — годы относительной сытости и душевного спокойствия, познав себя, людей и мира через книги, тяжёлую, без скидок на подростковый возраст, сельскую работу, первые взрослые отношения...

К концу школы, которую окончил с серебряной медалью, он знал о жизни много такого, о чём даже не догадывались его городские ровесники. И помнил, и через годы сумел рассказать в исповедальной повести «Стоит гора высокая», найти верные слова о пережитом и дать им поэтическое осмыс-

ление: «А было мне тогда двенадцать лет/ И я не знал, что счастья в мире нет...»

— Конечно, мама желала мне не такого мужа, — вспоминает свою молодость Лидия Ивановна. — Она ожидала, что я приведу физически сильного, хозяйственного парня, желательно «тракториста», а в дом вошёл худой бледный юноша, которого в селе за глаза называли «доходягой». Будущей тёще сразу же стало ясно, что избранник дочери в дом ничего «не принесёт» и тем более «не украдёт»...

А он «доходягой» был и по диагнозу московских медиков: после воркутинских рудников, в которых третьекурсник горного института поработал несколько месяцев, врачи выявили лучевую болезнь и, запретив учёбу, отправили молодого пациента «дышать свежим воздухом» куда-нибудь вглубь страны: аось развитие болезни затормозится. Судьба привела его в Курскую область и за все предыдущие муки и страдания одарила судьбоносной встречей. К концу лета молодые поженились...

В сборнике «Время» (издательство «Вешние воды», 2005) я с волнением прочла посвящённое жене стихотворение «Клажа», которое как-то объяснило давний отказ от интервью. В шестнадцати строчках — большая и совсем не простая жизнь двух любящих людей, чувства которых изо дня в день проверяет «Творец-эконом». Проверяет безденежьем, нуждой, несправедливостью начальства, непониманием окружающих. Создатель позаботился о том, чтобы супруги «не скопили добра» и не влачили «золотые вериги», зато сполна отмерил им ту «клажу», которую способны нести только избранные Им: «Знаю, это теперь не в чести, / Но с повстрем

века не ссорюсь, / Дай нам Бог до креста донести / Эту клажу по имени совесть».

Все годы после кончины мужа Лидия Ивановна при поддержке дочери продолжает нести эту «клажу», взвалив на себя и заботы по сохранению памяти поэта. Большими её хлопотами в 2014 году, к 80-летию Николая Михайловича, вышла «Книга книг» — сборник избранного разных лет. Есть её заслуга и в том, что за эти годы на культурных картах соседних областей, в которых жил и творил Перовский, — Курской и Орловской, появились его именные библиотеки, в российских литературных журналах регулярно публикуются поэтические подборки, а к 90-летию в орловском издательстве «Картуш» вышел сборник прозы писателя «Стоит гора высокая».

Это Лидия Ивановна первой подала идею об обустройстве в Орле сквера Литераторов. Несколько лет вынашивала эту мысль, делилась ею с журналистами и коллегами своего мужа, которые поддержали идею и довели её до городских властей. Жаль только, что на тяжёлом артобъекте в центре этого сквера в кругу имён известных орловских литераторов не нашлось места Николаю Перовскому.

Думаю, Николай Михайлович не стал бы обижаться на такое беспамятство, как не обижался на отсутствие наград и почестей при жизни. Разве что мудро бы усмехнулся и прочёл что-то «по случаю». Возможно, эти строки: «Мы в общем хоре — все солисты, / И даже тот, кто безголос, / В своём, особенном регистре / Доносит шёпот свой до звёзд».

Ваш шёпот по-прежнему слышен, Поэт! Он так же волнует души и тревожит сердца...

Валентина НОВОШИНСКАЯ, журналист